Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 122–129. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 122–129. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
УДК 821.161.1.09 «20»
EDN ICRAXC
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-122-129

РОЛЬ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ К.Г. ПАУСТОВСКОГО В ДЕТАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 1950–1960-Х ГГ.

Скороходов Максим Владимирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, msk2002@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

Аннотация. В статье на основе опубликованных и хранящихся в музейных фондах эго-документов раскрываются малоисследованные страницы взаимоотношений К.Г. Паустовского с современниками – издателем, польским и советским прозаиками, а также с литературным критиком. Характеристика общения Паустовского с С.М. Алянским показывает значимость для писателя личности А.А. Блока. С Я. Ивашкевичем, как и с Алянским, Паустовский сблизился в 1950-е гг., хотя ранее они вместе учились в киевской гимназии. Доверительный диалог русского и польского авторов был сопряжен с их глубоким интересом к творчеству друг друга. Некрологи Э.Г. Казакевичу и А.С. Гурвичу демонстрируют принципиальность Паустовского, его умение увидеть и емко охарактеризовать основные качества человека, подчеркнуть уникальность его жизненного и творческого пути. Публикации этих текстов, близких по содержанию к очеркам и воспоминаниям, становились важными событиями литературной жизни.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, С.М. Алянский, Я. Ивашкевич, Э.Г. Казакевич, А.С. Гурвич, А.Т. Твардовский, журнал «Новый мир», издательство «Советский писатель», «Литературная газета».

Для цитирования: Скороходов М.В. Роль эго-документов К.Г. Паустовского в детализации литературной жизни 1950–1960-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 122–129. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-122-129

Благодарности. Выражаю искреннюю признательность директору Музея К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой и главному хранителю И.С. Пахомовой за ознакомление с музейной коллекцией и неоценимую помощь в работе.

Research Article

THE ROLE OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S EGO-DOCUMENTS IN DETAILING THE LITERARY LIFE OF THE 1950S AND 1960S

Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, msk2002@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

Abstract. This article, drawing on published and museum-held ego-documents, reveals little-studied aspects of Konstantin Paustovsky's relationships with his contemporaries: a publisher, Polish and Soviet writers, and a literary critic. Characterisation of Paustovsky's relationship with Samuil Alyanskiy demonstrates the significance of Alexander Blok for the novelist. Just as well as Samuil Alyanskiy, Paustovsky befriended Jarosław Iwaszkiewicz in the 1950s, despite the two had been high school students in Kyiv at the same form. The trusting personal relationships between the Soviet and the Polish writers were marked by a profound interest in each other's work. Obituaries for Emmanuil Kazakevich and Abram Gurvich demonstrate Paustovsky's integrity, his ability to discern and succinctly characterise a person's fundamental qualities, and to emphasise their individuality and the uniqueness of lives and creative journeys. The publication of such obituaries, which in content are close to essays and memoirs, became an important event in literary life.

Keywords: Konstantin Paustovsky, Samuil Alyanskiy, Jarosław Iwaszkiewicz, Emmanuil Kazakevich, Abram Gurvich, Aleksandr Tvardovsky, New World magazine, *Soviet Writer* publishing house, Literary Gazette.

For citation: Skorokhodov M.V. The role of Konstantin Paustovsky's ego-documents in detailing the literary life of the 1950s and 1960s. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 122–129. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-122-129

Acknowledgements. I would like to express my sincere gratitude to the Director of the Konstantin Paustovsky Museum, Angelika I. Dormidontova, and the Chief Curator of the Museum's Collections, Irina S. Pakhomova, for their assistance in my familiarising with the museum's collection.

© Скороходов М.В., 2026

К.Г. Паустовский известен как создатель автобиографических произведений, среди которых наиболее яркое и объемное – «Повесть о жизни». Над этим циклом писатель работал с 1945 г. до последних месяцев жизни, написав шесть книг, седьмая не была завершена. «Повесть о жизни» рассматривается исследователями как источник сведений о самом Паустовском, литературном процессе и жизни в России в первой трети XX в. Не менее ценную информацию содержат дневники и записные книжки писателя, официальные документы, переданные им и его наследниками в музейные фонды и архивы, воспоминания и письма современников. Значительный объем данных, в том числе о круге общения писателя, его встречах, дружеских и творческих контактах, можно получить благодаря фотографиям, которыми в последние годы активно пополняется Музей К.Г. Паустовского в Москве.

Визуальные материалы, хранящиеся в музейных собраниях, доступны исследователям и любым пользователям на портале Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. На момент завершения работы над данной статьей в этой базе размещено более 7300 фотографий из фондов Музея К.Г. Паустовского[1]. Кроме того, на цифровой платформе представлено 39 выставок, подготовленных этим учреждением[2]. Среди 1076 экспонатов, демонстрируемых в этих проектах, насчитывается 361 фотография. Большинство из них представляют собой одиночные и групповые портреты Паустовского, а также запечатленных в разные годы лиц из его окружения. Среди фотографий есть и сделанные самим писателем, с увлечением занимавшимся фотосъемкой. Представленные на платформе снимки снабжены лаконичными, а в ряде случаев – развернутыми описаниями с цитированием новых архивных материалов. Эти визуальные источники подробно документируют встречи, поездки, важные моменты личной и творческой жизни Паустовского, раскрывая широкие культурные и общественно-политические контексты эпохи.

Еще один значимый источник для реконструкции литературного процесса, деятельным участником которого был Паустовский, – творческие материалы как самого прозаика, так и его современников. Особого внимания здесь требуют некрологи: некоторые из них со временем вошли в мемуарные сборники, фактически став краткими биографическими очерками. Ценным источником служат и письма Паустовского. Значительная их часть (в ряде случаев с купюрами) была опубликована в девятом томе собрания сочинений автора [Паустовский 1986], другие печатались в тематических подборках.

В данной статье мы остановимся на материалах, раскрывающих взаимоотношения Паустовского с его современниками – активными участниками литературного процесса середины XX столетия: издателем С.М. Алянским, польским прозаиком Я. Ивашкевичем, писателем Э.Г. Казакевичем и критиком А.С. Гурвичем. Эти эго-документы не просто отражают личные и творческие связи автора, но и позволяют документировать ключевые события литературной жизни. Отметим, что контакты Паустовского с перечисленными выше деятелями до сих пор изучены недостаточно. Среди исследований последнего времени, посвященных этой теме, выделим статью М.К. Свиченской «С.М. Алянский после “Алконоста”: по материалам отдела рукописей Российской национальной библиотеки» [Свиченская].

С **Самуилом Мироновичем Алянским** (1891–1974), отдавшим более полувека издательской деятельности, К.Г. Паустовский начал общаться ещё в период Великой Отечественной войны, однако наиболее близки они стали во второй половине 1950-х гг. Дочь издателя, Нина Самуиловна, вспоминала, что познакомилась с Паустовским в Москве в 1943 г. у Фединых. Тогда отец часто брал ее, школьницу, с собой, отправляясь в гости. Нина, которой не всегда были интересны разговоры взрослых, иногда засыпала, и Паустовский по этому поводу написал ей шуточное стихотворение: «Ах, Нина, все мы страшно рады, / Что ты меж нас! / Но заклинаем небом, адом – / Не спи сейчас!»[3]. Позже, в письме к Н.Н. Никитину из Москвы 24 февраля 1945 г., Паустовский сообщал, что во время празднования дня рождения Доры Сергеевны, супруги К.А. Федина, «все сообща обрушивались на Алянского за его нудный характер» [Паустовский 1986: 230].

Несколько писем Паустовского Алянскому в составе подборки для журнала «Новый мир» опубликовала в 1982 г. Г.А. Арбузова, падчерица и наследница Паустовского [Из переписки]. Наиболее ранние из них – из Тарусы от 14 и 26 августа 1958 г. В собрание сочинений помещены и другие письма этому же адресату – 1959 и 1963–1965 гг. В фондах Музея К.Г. Паустовского хранятся различные документы, отражающие общение писателя и издателя. В их числе – почтовая открытка, отправленная романистом Алянскому 10 июля 1946 г. из Дома творчества писателей «Эртелево» (он размещался с начала 1940-х до начала 1950-х гг. в бывшей одноименной усадьбе, приобретенной в 1912 г. М.А. Огарковой, вдовой писателя А.И. Эртеля). В тексте открытки описано спокойное и размеренное времяпрепровождение: «…жизнь наша проходит в лености, рыбной ловле, собирании малины и земляники и в прочих приятных занятиях, – нет сил раскачаться на большое письмо». Эртелево было одним из тех мест, где Паустовский, любивший нехоженые тропы, мог в полной мере наслаждаться единением с природой: «…от тишины звенит в ушах и воздух потрясающий. Вековой липовый парк, за ним в одну сторону – заповедные леса, а в другую, к югу – степи с ветряками,

курганами и цветами. В лесах – бобры и олени»[4]. Об этой поездке рассказывала и Нина Алянская, перешедшая в то время в десятый класс и отправившаяся в Воронежскую область вместе с семьей писателя. В 1995 г. она передала в Музей К.Г. Паустовского свои воспоминания о знакомстве и общении с прозаиком. Алянская писала: «В августе на свой день рождения я получила от К. Г. драгоценный подарок: это был растрепанный экземпляр “Нового мира”». К журналу была приложена записка: «Чиж, извини, что дарю тебе затрепанный экземпляр, – его все читали в Эртелеве, но другого у меня нет. Твой К. Г.»[5]

В Музее К.Г. Паустовского хранится недатированная машинопись на одном листе с правкой и подписью автора. В музейной коллекции этот документ зафиксирован как юбилейная речь писателя, посвященная Алянскому[6]. Однако в собрании сочинений Паустовского данный материал опубликован как его майское письмо 1961 года в Детгиз, написанное в Тарусе [Паустовский 1986: 398–399]. В комментариях указано, что публикация осуществлена «по подлиннику, хранящемуся у Н.С. Алянской», а сам текст предназначался «для юбилейного сборника, посвященного семидесятилетию со дня рождения С.М. Алянского» [Паустовский 1986: 514]. Позже С.В. Белов опубликовал это приветствие по материалам юбилейного альбома, сохранившегося в семейном архиве Алянских [Белов 1979: 105–106].

В архивном и опубликованных текстах есть расхождения, мы цитируем документ по более полному варианту, отложившемуся в музейном собрании и авторизованному писателем. Небольшой по объему текст свидетельствует о чрезвычайно высокой оценке Паустовским своего современника. Алянский для писателя – это «один из интереснейших людей нашего времени» и «жизнелюб». Бесценны и личные качества: «Его юмор точен и выразителен. Его любовь к поэзии и живописи самоотверженна, взыскательна». Паустовский раскрывает причины своей особой близости с Алянским – его преданность «искусству и правде искусства по-рыцарски – без страха и упрека. <…> Алянский не только друг, вошедший в мою жизнь в те годы, когда дружба возникает чрезвычайно редко. Для меня Самуил Миронович существует еще и как друг нашего великого и печального поэта Александра Блока». Упомянув об Алянском как о руководителе издательства «Алконост», Паустовский поздравляет его от себя и от своей семьи «с его большой, благородной и целеустремленной жизнью»[7].

В коротком материале дается емкая, объективная и вместе с тем личностно прочувствованная характеристика издателя, ставшего другом Паустовского. Прозаик был благодарен и за неоценимый дар – 14 сентября 1958 г. он сообщал А.К. Гладкову из Тарусы: «Алянский подарил мне книгу с автографом Блока – “История рыцарства”» [Паустовский 1986: 346].

Сближению Паустовского с Алянским способствовала их совместная поездка по югу СССР осенью 1957 г. Писатель сообщал супруге, Т.А. Паустовской, из Ялты 10 октября 1957 г., что Алянский – «очень милый человек», хотя «педант и ворчун» [Паустовский 1986: 332]. О некоторых маршрутах Паустовского во время той поездки мы узнаем из воспоминаний Н.И. Алянской. Она пишет, что Паустовский и ее отец «совершили путешествие сначала в Одессу, а оттуда на теплоходе “Адмирал Нахимов” по Черному морю». Нина Самуиловна, работавшая в те дни с ботанической экспедицией, встретила теплоход в Сухуми и вместе с К.Г. Паустовским прибыла в Батуми. Там, по ее воспоминаниям, «Паустовского приветствовала вся наша экспедиция, состоявшая из ботаников Москвы, Новосибирска, Риги и Минска. Большинство из них, конечно, были поклонниками его творчества. Особенно радовался знакомству с Паустовским руководитель нашей экспедиции замечательный ботаник Г.В. Микешин. <…> Г.В. Микешин с большим искусством и вдохновением провел экскурсию по одному из лучших наших садов. Сохранились фотографии того времени, где Паустовский снят с членами экспедиции в Батумском ботаническом саду»[8].

Встречи писателя и издателя продолжались и позже. Из письма Паустовского к М.Л. Слонимскому от 22 июля 1959 г. известно, что Алянский гостил в то время у Паустовских в Тарусе, и они вместе рыбачили на Оке. Посещения Тарусы были многократными. Нина Самуиловна бывала там и после кончины писателя – биолог по образованию, она помогала Т.А. Паустовской и Г.А. Арбузовой ухаживать за тарусским садом.

Если 14 августа 1958 г. Паустовский обращался к Алянскому на «вы», называя его официально по имени и отчеству, то уже 8 декабря он использует дружеский вариант, объединяющий имя и отчество – «Саммир». В 1962 г. корреспонденты окончательно переходят на «ты», а в финалах писем появляется товарищеская подпись: «Твой К. Г.» [Паустовский 1986: 419].

В 1960-е гг. Паустовский общался с С.М. Алянским как с редактором Детгиза (позднее – издательство «Детская литература»), где отдельными изданиями выходили рассказы писателя. Иллюстратором этих небольших по объему книжек для детей стала Т.А. Еремина, получившая в 1966 г. звание заслуженного художника РСФСР. Она вспоминала, что из сорока книг, над которыми она трудилась вместе с Алянским, ей особенно запомнилась «работа над двумя сказками К.Г. Паустовского (“Стальное колечко” и “Растрепанный воробей”), которого Самуил Миронович очень любил, и я тоже. Каждый рисунок без конца мы обсуждали, я сделала массу вариантов,

волновались и очень радовались, когда Паустовскому все понравилось и он не сделал нам ни единого замечания» [Белов 1976: 72]. Т.А. Еремина передала акварели к произведениям писателя в фонды Музея К.Г. Паустовского.

Алянский одним из первых откликнулся на новомирскую публикацию «Книги скитаний» – 1 декабря 1963 г. он сообщал автору: «Пришел 10-й номер “Нового мира”. Залпом прочитал начало “Книги скитаний” (кусочки я где-то раньше читал). Спасибо тебе за простой, чистый, правдивый рассказ о жизни, встречах и наблюдениях. С удивительной, волшебной простотой ты делаешь обыкновенных людей значительными, красивыми. Нельзя не полюбить твоего скромного попика Петра, его крестницу Лушу, даже отца благочинного, капитана Зузенко, беспризорников и других. Я никогда не видел Бабеля и Багрицкого. В твоих скупых простых портретах я познакомился с живыми, сложными, интересными и красивыми людьми. Спасибо тебе за это знакомство»[9]. Сопоставляя Пришвина и Паустовского, Алянский замечает, что как «владельца нашей земли, который, не задумываясь, щедро отдает свою любовь и знание природы людям», «гораздо выше» ценит второго[10]. Паустовский ответил на это письмо уже 6 декабря: «Дорогой Саммир, ты единственный написал мне из Москвы» [Паустовский 1986: 432].

Интерес представляют и открытки, отправленные Паустовским Алянскому из заграничной поездки: 29 сентября и 9 октября 1964 г. – из Лондона, 4 октября 1964 г. – из Оксфорда. Они не только фиксируют даты и места пребывания писателя, но и свидетельствуют о том, что было для него наиболее важно во время путешествия. Заметны и доверительно близкие отношения с корреспондентом.

Эго-документы Паустовского раскрывают историю его взаимоотношений с известным польским прозаиком, поэтом, драматургом и переводчиком **Ярославом Ивашкевичем** (1894–1980), который, как и Паустовский, рано потерял отца. В числе наиболее известных произведений Ивашкевича – роман-эпопея «Хвала и слава» (1956–1962) о судьбах Польши и польской интеллигенции в период от начала Первой мировой до завершения Второй мировой войны. В 1965 г. трилогия была выпущена издательством «Прогресс» в переводе на русский язык.

Емкая и краткая характеристика польского писателя содержится в письме Паустовского к К.А. Федину от 8 февраля 1960 г.: «Ивашкевич – <…> чудный человек» [Паустовский 1986: 376]. Летом 1961 г. Паустовский с Ивашкевичем путешествовали по Италии. Именно тогда они, как Паустовский 12 июля 1961 г. сообщил Т.А. Паустовской, «совсем сдружились» [Паустовский 1986: 406]. В томе писем Паустовского опубликовано одно его письмо к Ивашкевичу – от 12 апреля 1963 г. из Севастополя [Паустовский 1986: 422–423].

Паустовский, учившийся с Ивашкевичем «в одни и те же годы (в начале века) в разных киевских гимназиях» [Паустовский 1983: 232], на склоне лет гостил в усадьбе польского писателя, «где темно от вязов и тесно от книг» [Паустовский 1983: 231], что нашло отражение в очерке «Третье свидание» (1963):

> Сыроватый парк, тихая роща, старопольский обжитой дом со множеством книг и вещей разных эпох и стран, затянутые паутинным туманом пруды, аллея, по которой бредут, поддерживая друг друга, две старухи, простая трава и простые цветы в этой траве, которые обнаруживают себя волнами лекарственного запаха.
>
> А в доме – чуть сумрачном от обилия вещей – должны бы по всем признакам происходить всякие таинственные случаи [Паустовский 1983: 233].

Очерк, посвященный Ивашкевичу и имеющий помету «Таруса // Июль 1963 г.», известен в двух вариантах. В комментариях к варианту, вошедшему в 7-й том 9-томного собрания сочинений Паустовского под заглавием «Ярослав Ивашкевич», говорится, что впервые он был опубликован в 1964 г. в качестве предисловия к сборнику Ивашкевича (см.: [Ивашкевич: 9–16]) [Паустовский 1983: 571]. Однако это предисловие имеет другое название – «Встречи с Ярославом Ивашкевичем», а сами тексты имеют существенные различия. Отметим, что отдельные разделы этого предисловия текстуально совпадают с другим произведением Паустовского – очерком «Третье свидание», также вошедшим в 7-й том собрания сочинений [Паустовский 1983: 533]. Этот же расширенный вариант под названием «Встречи с другом» открывает раздел «Воспоминания» в сборнике, составленном В.М. Борисовым [Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче].

Сопоставление этих редакций обнаруживает серьезные разночтения. В варианте, напечатанном в 1964 и 1987 гг., после упоминания о бильярдистах, которыми гордились некоторые киевские гимназии, дается отсутствующая в собрании сочинений Паустовского краткая, но емкая характеристика игроков: «Большей частью это были лоботрясы и безнадежные второгодники» [Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче: 6]. Пятый абзац в девятитомнике имеет вид: «В мое время Первая гимназия растеряла свои давние музыкальные традиции и жила в этом отношении за счет сомнительной славы единственного в Киеве балалаечного оркестра» [Паустовский 1983: 533], в то время как в 1964 и 1987 гг. напечатан расширенный вариант: «В мое время Первая гимназия растеряла свои существовавшие раньше музыкальные традиции, свои хорошие духовые оркестры и певческие хоры и жила в этом отношении за счет сомнительной славы единственного в Киеве балалаечного оркестра» [Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче: 6].

Кроме того, в изданиях 1964 и 1987 гг. очерк завершается отсутствующим в собрании сочинений финальным абзацем: «Пусть же Ярослав Ивашкевич примет ее <благодарность> от нас, его читателей и друзей» [Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче: 13]. Вариант же из девятитомника без этих дополнений в 2009 г. был републикован в журнале «Мир Паустовского»[11].

Ивашкевич отозвался на смерть Паустовского, напечатав в журнале «Twórczość» («Творчество») небольшой материал памяти друга [Iwaszkiewicz: 127–128].

Для раскрытия взаимоотношений двух прозаиков важно письмо Паустовского Ивашкевичу от 12 апреля 1963 г. – одновременно личное и деловое. Русский писатель рассказывает о перенесенном инфаркте и постепенном возвращении к писательскому труду. Радуясь реализованным планам польского друга, Паустовский приглашает его в путешествие по России, в частности в гости в Тарусу. Отмечая планируемое завершение работы над шестой книгой автобиографического цикла «Повесть о жизни», прозаик указывает раннее название этой книги – «На медленном огне» (подробнее о заглавиях Паустовского см.: [Коржова: 243–260]). Вспомнив о встрече с польским другом на Гданьском вокзале Варшавы, Паустовский рассказывает о поездке во Францию через Польшу и о своем объемном очерке, написанном «с большой любовью к Польше» [Паустовский 1986: 422]. Этот очерк писатель отправил для публикации в «Новый мир», однако сомневался, что это произведение увидит свет. Тем не менее материал под заглавием «Третье свидание» был опубликован в мартовском номере журнала.

В близкий круг общения Паустовского входил **Эммануил Генрихович Казакевич** (1913–1962), прозаик, поэт, переводчик, киносценарист, писавший свои произведения как на идише, так и на русском языке. В середине 1950-х гг. Паустовского и Казакевича объединяла совместная работа по созданию альманаха «Литературная Москва».

Об уважении Паустовского к своему младшему современнику свидетельствуют его письма. Так, в декабре 1952 г. прозаик сообщал Т.А. Паустовской из Дома творчества писателей в подмосковной Малеевке: «За нашим столом сидит Казакевич с женой. Он – прекрасный писатель, умный человек...» [Паустовский 1986: 291]. Уже после смерти Казакевича, 8 апреля 1963 г., обращаясь к Д.С. Данину, Паустовский охарактеризовал своего коллегу как человека «всегда необыкновенного, отважного, насмешливого и нежного, остроумного и беспощадного» [Паустовский 1986: 421]. Казакевич, в свою очередь, также высоко ценил талант и личные качества старшего коллеги. Незадолго до смерти он подготовил приветственный адрес к 70-летию Паустовского. Из-за болезни Казакевич не смог выступить лично, однако текст его письма был зачитан на юбилейном вечере, а позже вошел в сборник воспоминаний [Воспоминания о Константине Паустовском: 140–142].

Несколько писем Казакевича Паустовскому было опубликовано в книге «Слушая время» [Казакевич]. Одно из них, от 15 ноября 1956 г., свидетельствует о сильном впечатлении, произведенном входящей в «Повесть о жизни» книгой «Начало неведомого века», только что прочитанной: «Это очень хорошая, чистая и благородная книга. <…> Она свободна от каких бы то ни было украшений словесных и ситуационных. <…> Она лучше Ваших предыдущих книг автобиографического цикла. Серьезнее, злее и добрее». Отдельные «вопросы и сомнения» были обозначены на полях [Казакевич: 383].

Казакевич имел непосредственное отношение к подготовке этой книги – он выступил в качестве официального рецензента рукописи, поступившей в издательство «Советский писатель» [Паустовский 1958], и дал ей высокую оценку, отметив, в частности, те аспекты, которые в то время были важны для прохождения книги в печать: «С большой искренностью и глубокой любовью к родине, к России, в живых картинах, полных неподдельного очарования, Паустовский рассказывает нам о событиях великой исторической важности и о том, как они отразились в сознании молодого, житейски неискушенного, политически неопытного, но любящего свой народ русского интеллигента»[12]. Казакевич выделяет ключевые достоинства нового произведения, о которых упоминал ранее в личном письме прозаику. Он называет книгу «самой сильной из всех появившихся до сих пор повестей автобиографического цикла Паустовского», подчеркивая, что ее автор не стремится сделать из себя героя, но правдиво описывает события. Казакевич обозначает и те качества, которые делали произведение актуальным для издательского плана «Советского писателя»: «...путь, описанный Паустовским, – это типичный путь интеллигента к революции, который, подобно Блоку, сумел разглядеть за кажущимся хаосом гражданской войны пафос борьбы за справедливое устройство общества, за гуманизм»[13].

Эта экспертная оценка Казакевича во многом определила издательскую судьбу книги. Официальный итог этой работы зафиксирован в «Редакторской справке» старшего редактора В. Раковской. Документ, по сути аннотирующий отзыв Казакевича, проливает свет на историю текста: в нем сообщается, что «в порядке редакционной подготовки рукописи к изданию автор сделал некоторые поправки и купюры»[14].

Повесть «Начало неведомого века» была впервые опубликована в 3-м томе 6-томного собрания сочинений писателя, подписанном в печать 10 октября

1957 г. и выпущенном в том же году. Отдельной книгой произведение вышло позже. О планах ее издания «Советский писатель» проинформировал читателей в начале 1958 г.[15], а сообщение о выходе книги появилось в самом его конце[16].

Наиболее полная и яркая оценка Паустовским Казакевича дана в некрологе. В октябрьском номере журнала «Новый мир» за 1962 г. было опубликовано два материала, посвященных памяти писателя, скончавшегося 22 сентября. Первый, редакционный, – небольшой текст под заголовком «Эммануил Генрихович Казакевич», оформленный в траурную рамку. Там отмечалось, что скончавшийся прозаик – «близкий друг нашего журнала, его давний сотрудник, один из талантливейших советских писателей»[17].

Автором второго текста – очерка-некролога под заголовком «О человеке и друге», подчеркивающем близкие личные отношения с писателем, – является Паустовский. В этом небольшом произведении проявляется свойственное его стилю сочетание личного и общезначимого. Паустовский дает своему герою объективную оценку как масштабно мыслящему деятелю культуры: «…он принадлежал к первым и лучшим людям нашего времени – по остроте и смелости мысли, по вольному и умному таланту, глубокой честности, по блеску его воображения и тому бурному человеческому обаянию, которое мгновенно покоряло всех»[18]. Вместе с тем в тексте выражено и глубоко личное отношение к другу: «...он стремительно захватывал окружающих своими замыслами, рассказами, эпиграммами, спорами, шутками»; «...бывал и печален и гневен или, вернее, как-то гневно-печален»; «Я думаю о том, что никогда больше не услышу его шутливый голос и не увижу застенчивую нежность в его глазах»[19].

Текст этого некролога не вошел в сборник Паустовского «Наедине с осенью» [Паустовский 1967], изданный при его жизни, однако был включен во второе, значительно расширенное издание, уже посмертное [Паустовский 1972] (текст совпадает с публикацией в «Новом мире»).

Представляется продуктивным сопоставить текст Паустовского с другим откликом на смерть Казакевича, автором которого стал главный редактор журнала «Новый мир» А.Т. Твардовский, причем в его названии, как и в очерке Паустовского, употреблено слово «друг». Судя по дневниковой записи Твардовского от 25 сентября 1962 г., в публикации его материала памяти Казакевича в газете «Правда» было отказано с формулировкой – «“мы не можем”» [Твардовский: 119]. В итоге очерк Твардовского «Памяти друга» был напечатан в «Литературной газете» 27 сентября[20]. Там же была опубликована краткая хроника «Похороны Э.Г. Казакевича» с упоминанием о том, что траурный митинг открыл Твардовский.

Автор отклика подробно осветил творческую биографию писателя, назвав его первым из «ныне широко известных писателей военной темы», для которого война была «каждодневным трудом и бытом». Как и Паустовский, Твардовский отметил личные качества Казакевича: «редкое обаяние его личности, ум и доброту, остроумие и веселость безобидного озорства, жизнелюбие и трудолюбие, твердость и принципиальность во взглядах, оценках, суждениях по вопросам литературной и политической жизни»; «он был и страстным путешественником, охотником, отлично стрелявшим, водил машину без всяких скидок на любительские права, был весельчаком и остроумцем, душой дружеского застолья, хорошо пел русские народные и солдатские песни»[21]. Иная, более сдержанная характеристика Казакевича содержится в набросках выступления Твардовского для гражданской панихиды [Твардовский 2009: 119–120]. При этом принципиально важным для автора было зафиксировать в прощальном слове официальный статус покойного – «выдающегося русского советского писателя» [Твардовский: 119].

Дневниковые записи главного редактора «Нового мира» проливают свет на сложную историю публикации этих мемориальных материалов и объясняют появление текстовых различий. Из документов следует, что первоначальный, более острый и эмоциональный вариант текста Паустовского существенно отличался от опубликованного. Твардовский, искренне скорбевший по поводу смерти Казакевича, которого он высоко ценил, тем не менее болезненно воспринимал любые суждения, не совпадавшие с его собственными оценками или выходившие за рамки официального дискурса. По поводу присланного Паустовским текста, предназначавшегося для прочтения на гражданской панихиде, Твардовский раздраженно записал 26 сентября 1962 г.: «Неприятности с Паустовским этим, которого черт нас дернул просить написать о Казакевиче для “НМ”. Неприятны в этой статейке мелкоостротные штучки, “независимость”, “самый живой из всех живых”, “все правительство” и “Август” Пастернака в чтении Казакевича. Копийку прислал для прочтения у гроба. Мы, т. е. Воронков, я и др., вернее же сказать, я, несмотря на настойчивость Данина, даже, м. б., раздраженный этой настойчивостью, отклонил это дело» [Твардовский: 121]. В итоге ни упомянутых Твардовским фраз, ни близких им по смыслу пассажей в опубликованном варианте некролога за подписью Паустовского нет. Примечательно, что по хранящейся в РГАЛИ рабочей верстке октябрьского номера журнала редакторская правка и сокращения текста Паустовского не выявлены[22]. Это позволяет предположить, что авторский материал подвергся коренной переработке или цензурным изъятиям еще на этапе предваритель-

ного отбора рукописей, до отправки номера в типографский набор.

В 1979 г., после кончины и Паустовского, и Твардовского, вышел в свет сборник «Воспоминания о Казакевиче», который открывается текстом Твардовского [Воспоминания о Казакевиче: 5–10] – с небольшими отличиями от публикации в «Литературной газете» (очевидная редакторская правка). Включен в сборник, третьим с конца, и материал Паустовского [Воспоминания о Казакевиче: 399–401]. Его первая часть – фрагмент главы «Речка Вертушинка», вошедшей в «Книгу скитаний» (глава повествует в том числе о встрече прозаика с Казакевичем незадолго до его смерти), вторая – некролог из «Нового мира».

О гражданской позиции Паустовского свидетельствует его отклик на смерть литературоведа и театрального критика **Абрама Соломоновича Гурвича** (1897–1962), который во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., в период борьбы с космополитизмом, подвергался масштабному общественному осуждению. Первая разгромная статья о нем была напечатана 28 января 1949 г. в «Правде»[23]. Очередным поводом для нападок стала публикации в «Новом мире» литературно-критического очерка Гурвича «Сила положительного примера»[24], после чего в «Правде» 28 октября 1951 г. вышла еще одна критическая статья[25].

Даже спустя более чем десятилетие после выхода этих разгромных публикаций многие опасались писать о Гурвиче. Президиум Московской писательской организации ограничился краткой формализованной информацией о кончине критика[26]. И только Паустовский на страницах того же номера «Литературной газеты» от 20 ноября 1962 г. открыто заявил о своем отношении к ушедшему коллеге, озаглавив некролог «Памяти друга». Писатель включил смерть Гурвича в трагическую череду недавних утрат: «Этой осенью потеря идет за потерей. <…> Вслед за Погодиным ушел Казакевич, вслед за Казакевичем – Гурвич. Все это – люди резко выраженные, люди большой индивидуальности, большого таланта и человеческого обаяния»[27].

Паустовский вспоминает и Э. Хемингуэя, скончавшегося летом предыдущего, 1961 г. Благодаря такому масштабному контексту, сформированному автором некролога, Гурвич предстает знаковой и значимой фигурой не только отечественной, но и мировой литературной жизни. Автор воссоздает образ человека «пленительного по своему уму, мягкости и какой-то душевной прозрачности», обладавшего «редким свойством укреплять жизнь окружающих, сообщать ей повышенную интеллектуальность и ясность». Напоминает Паустовский и о том, что Гурвич признан одним из «крупнейших в мире шахматных композиторов»[28] – непревзойденным мастером по составлению шахматных этюдов, получившим мировое признание. Так публикация небольшого материала становится не просто данью уважения к другу, но и демонстрирует гражданскую стойкость самого Паустовского в отстаивании важных для него этических позиций.

Обращение к опубликованным и архивным эгодокументам Паустовского и его современников позволяет реконструировать и детализировать важные события литературной жизни середины XX в. Если письма фиксируют характер личных взаимоотношений, то публичные высказывания (официальные рецензии, некрологи и др.) свидетельствуют о гражданской позиции авторов. Показательны в этом плане отклики Паустовского и Твардовского на смерть Казакевича: оба писателя уже в заглавиях своих материалов назвали ушедшего коллегу другом и оба отметили его мужество в борьбе с болезнью. Глубина личных переживаний не препятствует объективной оценке современников, а, напротив, служит для нее прочной основой. Проанализированный некролог Паустовского, посвященный Гурвичу, демонстрирует, как через масштабный мемуарный контекст раскрывается значимость фигуры критика и литературоведа. Наконец, истории взаимоотношений с Алянским и Ивашкевичем раскрывают особую ценность искреннего общения и дружбы в поздний период жизни Паустовского.

Примечания

[1] Госкаталог РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=2629&imageExists=null&typologyId=17 (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Музей К.Г. Паустовского. URL: https://paustovsky.museum-online.moscow (дата обращения: 10.05.2026).

[3] Музей К.Г. Паустовского. МЛМЦ КГП. КП-3194/54.

[4] Музей К.Г. Паустовского. МЛМЦ КП-3273/15. Л. 1 об.

[5] Мир Паустовского. 1996. № 9–10. С. 30.

[6] Музей К.Г. Паустовского. МЛМЦ КГП КП-3278/8.

[7] Музей К.Г. Паустовского. КП-3278/8. Л. 1.

[8] Мир Паустовского. 1996. № 9–10. С. 31.

[9] Музей К.Г. Паустовского. МЛМЦ КП-3187/246. Л. 1 об.

[10] Музей К.Г. Паустовского. КП-3187/246. Л. 2.

[11] Мир Паустовского. 2009. № 27. С. 23–25.

[12] РГАЛИ. Ф. 1234. Издательство «Советский писатель» (Москва, Ленинград, 1934–1991). Оп. 18. Ед. хр. 923. Л. 1.

[13] РГАЛИ. Ф. 1234. Издательство «Советский писатель» (Москва, Ленинград, 1934–1991). Оп. 18. Ед. хр. 923. Л. 1.

[14] РГАЛИ. Ф. 1234. Издательство «Советский писатель» (Москва, Ленинград, 1934–1991). Оп. 18. Ед. хр. 923. Л. 2.

[15] В издательстве «Советский писатель» // Литературная газета. 1958. 25 января. № 11. С. 1.

[16] Литературная газета. 1958. 23 декабря. № 152. С. 3.

[17] Новый мир. 1962. № 10. С. 287.

[18] Новый мир. 1962. № 10. С. 287.

[19] Новый мир. 1962. № 10. С. 287–288.

[20] *Твардовский А.Т.* Памяти друга // Литературная газета. 1962. 27 сентября. № 116. С. 4.

[21] *Твардовский А.Т.* Памяти друга // Литературная газета. 1962. 27 сентября. № 116. С. 4.

[22] РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 8. Ед. хр. 1591.

[23] Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января. № 28. С. 3.

[24] Новый мир. 1951. № 9. Раздел «Литературная критика». С. 151–216. (С пометой: «Печатается в сокращенном виде»).

[25] Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике // Правда. 1951. 28 октября. № 301. С. 2–3.

[26] Литературная газета. 1962. 20 ноября. № 138. С. 4.

[27] Паустовский К. Памяти друга // Литературная газета. 1962. 20 ноября. № 138. С. 4.

[28] Паустовский К. Памяти друга // Литературная газета. 1962. 20 ноября. № 138. С. 4.

Список литературы

Источники

Воспоминания о Казакевиче: сборник / сост. Г.О. Казакевич, Б.С. Рубен. Москва: Сов. писатель, 1979. 423 с.

Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л.А. Левицкий. Москва: Сов. писатель, 1975. 463 с.

Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче / сост. В.М. Борисов. Москва: Сов. писатель, 1987. 300 с.

Из переписки К.Г. Паустовского / публ. Г.А. Арбузовой // Новый мир. 1982. № 7. С. 182–191.

Ивашкевич Я. Избранные произведения: Рассказы. Повести. Пьесы / пер. с польского; сост. С. Тонконогова; вступ. ст. К. Паустовского. Москва: Худож. лит., 1964. 471 с.

Казакевич Э. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма / сост. Г.О. Казакевич. Москва: Сов. писатель, 1990. 525 с.

Паустовский К.Г. Наедине с осенью: Портреты, воспоминания, очерки. Москва: Сов. писатель, 1967. 270 с.

Паустовский К.Г. Наедине с осенью: Портреты, воспоминания, очерки. 2-е изд., доп. Москва: Сов. писатель, 1972. 448 с.

Паустовский К.Г. Начало неведомого века: повесть. Москва: Сов. писатель, 1958. 221 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Москва: Худож. лит., 1983. 575 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Москва: Худож. лит., 1986. 542 с.

Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. Т. 1: 1961–1966. Москва: ПРОЗАиК, 2009. 656 с.

Iwaszkiewicz J. Konstantin Paustowski. Twórczość. Warszawa, 1968, № 9. S. 127–128.

Исследования

Белов С.В. Консультант по художественному оформлению – С. Алянский: к 85-летию со дня рождения // Детская литература. 1976. № 5. С. 71–72.

Белов С.В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского / отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград: Наука, Ленинград. отд., 1979. 112 с.

Коржова И.Н. Заглавия принятые и отвергнутые в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (к реконструкции творческой истории) // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 243–260. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260

Свиченская М.К. С.М. Алянский после «Алконоста»: по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 186–199.

References

Belov S.V. *Konsul'tant po khudozhestvennomu oformleniyu – S. Alyanskij: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya* [Artistic Design Consultant: S. Alyansky: On the 85th Anniversary of His Birth. *Detskaya literatura* [Children's Literature], 1976, no. 5, pp. 71–72 (In Russ.)

Belov S.V. *Master knigi. Ocherk zhizni i deiatel'nosti S.M. Alianskogo* [The Book Master. An Essay on S.M. Alyansky's Life and Work]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 112 p. (In Russ.).

Korzhova I.N. *Zaglaviya prinyatye i otvergnutye v "Povesti o zhizni" K.G. Paustovskogo (k rekonstruktsii tvorcheskoj istorii)* ["Accepted and Rejected Titles in The Story of a Life by K.G. Paustovsky (Towards the Reconstruction of Creative History)"]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], no. 3 (33), 2024, pp. 243–260. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260 (In Russ.)

Svichenskaya M.K. *S.M. Alyanskiy posle "Alkonosta": po materialam otdela rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki* [S.M. Aliansky after The "Alkonost": (On the materials of the Manuscripts Department of the National Library of Russia)]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, vol. 217, pp. 186–199.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.09.2026.